

8. Раскулачивание - спецпереселение

Вольхин А.И., Мотревич В. П.
Екатеринбург

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ НКВД ПО ПРЕСЕЧЕНИЮ ПОБЕГОВ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ С ТЕРРИТОРИИ УРАЛА И СИБИРИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В исторической литературе до сих пор не изучено влияние последствий депортации населения на состояние политической и оперативной обстановки восточных регионов в годы Великой Отечественной войны. Нет публикаций об организации и основных направлениях агентурно-оперативной и хозяйственно-организаторской деятельности органов НКВД среди спецпоселенцев. Разработка указанных проблем расширит представление о роли органов госбезопасности как силового элемента государственной структуры в решении ряда важных политических и экономических задач в годы Великой Отечественной войны.

По нашим подсчетам, через урало-сибирское спецпоселение в течение 1931 - 1945 гг. прошло более 1,5 млн. человек, из них с начала 1931 г. - около 800 тыс. бывших кулаков, и за период с 1940 по 1945 гг. - более 700 тыс. человек польских осадников и беженцев, спецпоселенцев из Прибалтики и Молдавии, немцев, финнов, калмыков, крымчан, оуновцев, членов религиозной секты "Истинно-православные христиане" - "ИПХ", фольксдойчей, немецких пособников (1).

Спецпоселение на Урале и в Сибири, как и в целом по СССР, являлось неоднородным по мотивам выселения. Одни контингенты были высланы чисто по классовому признаку ("бывшие кулаки"), другие - по религиозному ("ИПХ"), третьи - по национальному ("немцы", "финны", "калмыки", "крымские

татары"), четвертые - как наиболее непримиримые и враждебные советскому строю социальные слои и группы населения ("осадники", "ссылно-поселенцы из Прибалтики и Молдавии", "оуновцы", "немецкие пособники"). Заметим, что эти грани между контингентами довольно-таки условные.

В условиях массовых репрессий против различных слоев гражданского общества депортации народов и отдельных групп населения были одной из форм воплощения в жизнь сталинского принципа усиления классовой борьбы по мере успехов социалистического строительства. Но, главное, спецпоселенчество являлось колоссальным резервом дешевой рабочей силы, столь необходимой для развития производительных сил северных и восточных регионов страны.

В годы Великой Отечественной войны агентурно-оперативное обслуживание спецпоселенцев всех категорий, как расселенных по колхозам и совхозам, так и работавших на промышленных предприятиях, стройках, угольных шахтах, нефтяных промыслах, лесозаготовках, было возложено на отдел спецпоселений (ОСП) НКВД СССР, который опирался на разветвленную сеть ОСП - УНКВД республик, краев и областей. Те, в свою очередь, через аппараты горотделов (ГО) и горрайотделений (ГРО) НКВД руководили всей деятельностью районных и поселковых спецкомендатур, которых только в Урало-Сибирском регионе на 1 января 1945 года насчитывалось 964 (2).

В повседневной практике вся эта структура руководствовалась постановлениями СНК СССР и ЦК ВКП(б), приказами и директивами НКВД СССР, распоряжениями заместителей Народного Комиссара внутренних дел Чернышова В.В. и Круглова С.Н. (3).

Борьба с побегами спецпоселенцев была одной из главных задач органов НКВД на протяжении всей истории спецпоселенчества в силу особой пагубности последствий этого явления для Советского государства.

Побеги спецпоселенцев напроць дезорганизовывали систему принудительного труда, оставляя хозяйственные организации

наркоматов страны без дешевой рабочей силы, срывая выполнение плановых заданий, ставя под угрозу обеспечение фронта необходимой продукцией. С побегом трудоспособных спецпоселенцев прекращалось пятипроцентное отчисление с их зарплаты, которое шло на содержание спецкомендатур НКВД, таким образом, подрывалось финансовое благополучие и само существование системы НКВД. Для некоторых представителей из контингентов "народов-предателей" побег являлся единственной возможностью уйти от уголовной ответственности за военные преступления, совершенные в Крыму, Калмыкии, на Северном Кавказе, Украине.

В годы войны все аспекты этой деятельности жестко регламентировались многочисленными ведомственными инструкциями и циркулярами (4).

До каждого спецпоселенца доводилось положение о том, что "самовольное оставление мест расселения карается в уголовном порядке, как за совершение побега, если самовольная отлучка из района расселения превышает одни сутки" (5).

В случае совершения побега в обязанности поселковых спецкомендатур вменялось производить дознание по делам об одиночных побегах спецпоселенцев, производить розыск и задержание бежавших. На районные спецкомендатуры НКВД возлагалось дознание по делам о групповых побегах, обеспечение местного розыска бежавших спецпоселенцев и предоставление в ОСП НКВД - УНКВД материалов для объявления всесоюзного розыска (6).

С начала Великой Отечественной войны НКВД СССР предпринял целый ряд дополнительных мер, направленных на пресечение побегов со спецпоселения. 22 июня 1941 г. начальником 2 отделения ОТСП ГУЛАГа НКВД СССР Муловым были даны указания усилить охрану спецпоселенцев, исключаящую возможность побегов; запретить отлучки спецпоселенцев из спецпоселков и с места работы, переписку с родственниками; проводить проверку населения спецпоселков не реже 2 раз в сутки (7).

Помимо этого, предписывалось прекратить рассмотрение заявлений, связанных с переездом спецпоселенцев (соединение семей, освобождение с поселения, передача на иждивение и т.д.); запретить председателям колхозов и сельсоветов, руководителям хозяйственных организаций и учреждений, в подчинении которых находились спецпоселенцы, направлять их самостоятельно, без ведома спецкомендатур НКВД, в служебные командировки и выдавать какие-нибудь документы, разрешающие выезд с мест поселений (8).

Была отлажена система круговой поруки путем организации десятидворок, пятидворок, кварталов. Старшие десятидворок, пятидворок, квартальные, старосты бараков несли персональную ответственность за каждый случай побегов спецпоселенцев.

При направлении спецпоселенцев на отдаленные работы назначался старший, который нес полную ответственность за состояние дел в группе. Персональная ответственность за каждый побег возлагалась и на начальников РО НКВД, комендантов спецкомендатур НКВД (9).

На узловых железнодорожных станциях, речных вокзалах органы транспортной милиции устанавливали постоянный контроль за передвижением спецпоселенцев.

При разработке оперативных планов противобеговых мероприятий органы НКВД уделяли особое внимание организации групп содействия по борьбе с побегами, формировавшимися из числа местных жителей, партийного, комсомольского, советского и колхозного актива. Группы содействия блокировали пути возможного следования беглецов, устраивали засады на разъездах, железнодорожных станциях, речных пристанях, других местах вероятного появления бежавших. К концу войны только в Омской и Свердловской областях было

* Только в Свердловской области на 1 января 1943 г. старших бараков, десятидворок, квартальных насчитывалось 1710 человек. См.: ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.106. Л.244.

организовано 110 групп содействия общей численностью 679 человек. По данным начальника ОСП НКВД СССР полковника Кузнецова М., общая численность групп содействия по всей стране составляла 18000 человек (10).

В некоторых районах Урала и Сибири предпринимались небезуспешные попытки создания заслонов и групп лояльников из числа самих же спецпоселенцев - кулаков, калмыков и др. (11).

С целью быстрой ликвидации возможных выступлений спецпоселенцев, в большом количестве сосредоточенных в Нарымском округе Новосибирской области, были созданы дружины из партийно-комсомольского актива, ими руководили начальники РО НКВД (12).

Но все же первостепенная роль в борьбе с побегами отводилась противобеговой агентурно-осведомительной сети, в задачи которой входило также разложение готовящихся к побегу изнутри, т.е. нужно было убедить спецпоселенцев в нецелесообразности побегов, заставить их отказаться от этих намерений. К тому же противобеговое осведомление давало обширную информацию о политических настроениях спецпоселенцев (13).

Несмотря на комплекс предпринимаемых органами НКВД мер, спецпоселенцы бежали с мест расселения. Чтобы представить масштаб побегов, сошлемся на архивные данные о побегах кулаков из трудовых поселков ГУЛАГа НКВД СССР. Всего по стране за период с 1930 по 1 июля 1943 года бежало 632971 человек, в том числе за 1932-33 г. - 422866 человек, за 1940-41 гг. - 6591 человек, за 1942 - первую половину 1943 г. - 1857 человек (14).

Причины побегов были различны.

Бежали нетрудоспособные старики, ибо не желали идти в инвалидные дома. Бежали молодые спецпоселенцы - бывшие кулаки, которые не могли достать метрических выписок о рождении для освобождения из трудссылки.

Часть калмыков, расселенных в Свердловской области, пыталась соединиться с родственниками, находящимися в

Алтайском крае. Поскольку известная забюрократизированность структур тормозила это объединение, то калмыки бежали в Сибирь на свой страх и риск (15).

Но основная причина побегов была связана с крайне тяжелыми условиями жизни спецпоселенцев.

В 1942 г. из Карабашской спецкомендатуры НКВД Челябинской области целыми семьями бежали в Бардымский район Молотовской области раскулаченные казахи, где их безоговорочно принимали в колхозы и создавали более приемлемые условия существования.

Бежавших скрывали председатели сельсоветов и колхозов, так как рабочие руки высоко ценились на селе, особенно в войну. Работникам ОТПС УНКВД по Челябинской области с трудом удалось вернуть оттуда 33 человека (16).

Зимой 1942 г. из-за неурожая зерновых и овощных культур, охватившего ряд районов Сибири, сложилось критическое положение с продовольствием. Люди опухали от голода, многие умерли. Из Пихтовского района Новосибирской области спецпоселенцы - бывшие кулаки массово потянулись в соседние районы в поисках хлеба. Установленными заслонами голодных задерживали, возвращали в спецкомендатуры, оформляли материалы на привлечение к уголовной ответственности. Но учитывая тяжелое положение с питанием, прокурор Пихтовского района не санкционировал отдачу под суд спецпоселенцев (17).

Сотнями бежали и немцы, мобилизованные в рабочие колонны. Только за 1944 г. с народнохозяйственных объектов Свердловской области бежало 524 человека, с предприятий и шахт Кемеровской области - 781 человек (18). Причины побегов те же - тяжелые материально-бытовые условия, голод, болезни.

Обстановка военного времени, необходимость выполнения важнейших государственных заказов заставляли руководителей предприятий изыскивать любые возможности, максимально использовать спецпоселенцев, перебрасывая их с объекта на объект, в торги, колхозы, промкооперацию, на погрузочно-

разгрузочные работы. Часто спецпоселенцев ради производственной целесообразности расселяли около заводов в общежитиях совместно с кадровыми рабочими.

Все это затрудняло установление надлежащего режима и наблюдения за ними со стороны органов НКВД и оперативно обслуживавших промышленные объекты органов НКВД. Старший инспектор ОТСП ГУЛАГа НКВД СССР Шерманзон, обследовавший в декабре 1941 года трудовую ссылку г. Прокопьевска Новосибирской области, потребовал, чтобы всех бывших кулаков, проживавших в центре города и работавших на крупных шахтах им.Сталина, им. Ворошилова, им. Молотова, переселили на окраины города и предоставили работу на предприятиях по месту нового жительства. Попытка решить этот вопрос через первого секретаря Прокопьевского горкома ВКП(б) Стучарова успехом не увенчалась, ибо обычно жалобы на руководителей предприятий в горкомах партии и горисполкомах выслушивали внимательно, но все оставляли по-прежнему: фронту срочно требовалась продукция тыла (19).

Поэтому расширяющийся "зазор" между требованиями производства, предусматривающими повышенную мобильность рабочей силы, свободный перелив ее с одного участка на другой, и требованиями инструкций НКВД, жестко регламентирующими каждый шаг спецпоселенца, являлся той благодатной возможностью совершения побегов, которой сотни и тысячи спецпоселенцев пользовались повсеместно. Достаточно сказать, что из той же Прокопьевской спецкомендатуры НКВД в 1941 году бежало 99 спецпоселенцев - бывших кулаков (20).

К концу войны и в первый послевоенный период борьба органов НКВД с побегами спецпоселенцев приобрела более жесткий характер. По инициативе начальника УНКВД по Новосибирской области Петровского Ф. и начальника ОСП УНКВД Жукова Г. в конце 1944 г. в Новосибирске была создана единая картотека розыска бежавших калмыков. УНКВД по Алтайскому и Красноярскому краям, Омской, Томской и Тюменской областям предоставляли в УНКВД по Новосибирской

области краткие сведения о каждом случае побега и задержании беглецов.

Планом мероприятий по борьбе с побегами было предусмотрено организовать в Новосибирской, Омской, Томской и Тюменской областях, Алтайском и Красноярском краях несколько показательных процессов над калмыками, ответственными за побеги по круговой поруке (над старшими десятидворок, квартальными, старостами барачников и пр.). Итоги процессов в целях профилактики предполагалось донести через агентуру до всех калмыков (21).

В Свердловской области практиковались другие формы борьбы с побегами. Через оперативную часть тюрьмы № 5 от осужденных за побеги спецпоселенцев направлялись родственникам письма, в которых они предостерегали земляков и близких "пускаться в бег", т. к. "все равно будут задержаны, осуждены и водворены в тюрьму" (22). В спецпоселках области за нарушение круговой поруки все главы и члены семей десятидворки, из которой был совершен побег, направлялись на наиболее тяжелые работы (23).

Были случаи, когда бежавшие спецпоселенцы получали паспорта, вставали на военный учет и призывались в Красную Армию. При обнаружении таковых органы НКВД привлекали их к уголовной ответственности (24).

Несмотря на всевозможные меры, предпринимаемые органами НКВД СССР, количество побегов не сокращалось. По официальной статистике только за 1943-45 гг. с мест поселения бежало 12865 человек, значительная часть которых - из Урало-Сибирского региона. Число задержанных за этот период спецпоселенцев составило 8250 человек (25).

Обеспокоенный таким положением, заместитель Берии Л.П. генерал-полковник Чернышов В. предложил начальнику УНКВД по Красноярскому краю генерал-майору Семенову И. следующий план. Организовать в северном районе Красноярского края в одном из леспромхозов наркомлеса особорежимный поселок, удаленный от железных дорог и водных магистралей. Переселить в него всех спецпоселенцев, склонных

к побегу, ранее задержанных и возвращенных беглецов вместе с их семьями. Обязать работников спецкомендатуры НКВД особорежимного поселка установить в этом поселке строгий режим содержания спецпоселенцев, исключающий всякую возможность совершения побегов. Организовать в местах поселения спецпоселенцев над наиболее злостными беглецами и организаторами групповых побегов 2-3 открытых судебных процесса. Приговоры этих судов объявить среди всех контингентов спецпоселенцев, расселенных на территории Красноярского края (26).

Судя по архивным документам, практика перевода спецпоселенцев, склонных к побегу, в удаленные от железнодорожных и речных путей поселки существовала и раньше (27). Но к концу войны и в первые послевоенные годы она существенно расширилась. В отдаленные северные районы Урала и Сибири стали направлять десятки и сотни спецпоселенцев, в том числе из Казахстана и Средней Азии (чеченцев, ингушей, кабардинцев, балкарцев) за их склонность к побегам (28). Из заповедных районов урало-сибирского региона бежать было безнадежно.

Самым радикальным средством борьбы с побегими спецпоселенцев являлось привлечение их к уголовной ответственности. Судя по удельному весу осужденных по ст. 82 УК РСФСР, наиболее всего были склонны к побегам оуновцы, затем спецпоселенцы из Крыма, немцы, менее всего - "ИПХ".

Необходимо отметить, что конец 40-х годов характеризовался максимальным ужесточением режима в отношении спецпоселенцев. 26 ноября 1948 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ "Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны". Этот Указ устанавливал, что за побег с места обязательного поселения полагается наказание - 20 лет каторжных работ (29).

И все же проблему побегов разрешить так и не удалось. Побег были неизбежны, они были объективно обусловлены

самим характером общественных взаимоотношений между официальной властью и спецпоселенцами. Поголовная депортация, национальное ущемление, внеэкономические методы принуждения, жестокость, насилие, ограничение гражданских прав и свобод, материально-бытовые лишения, голод, болезни, безысходность - все это вызывало ответную реакцию протеста, наиболее яркой и повсеместной формой которого и являлись побегі спецпоселенцев. Это противоречие, возникшее в начале 30-х гг., было снято лишь к концу 50-х гг. самым фактом ликвидации института спецпоселенчества.

Примечания

1. Подсчитано по: Земсков В.Н. "Кулацкая ссылка" в 30-е годы // Социологические исследования. 1991. № 10. С.4; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.9479. Оп.1. Д.107. Л.27,29; Д.152. Л.44,49,50; Д.160. Л.74; Д.164. Л.214; Д.187. Л.189 - 194, 206, 209, 210, 236; Д.218. Л.29; Д.269. Л.86.

2. Архив УФСБ по Свердловской области. Фонд приказов. Оп.178 - 1944 г.; ГАРФ.Ф.9479. Оп.1.Д.261. Л.4об., 5, 5об., 6.

3. См.: ГАРФ.Ф.9479. Оп.1. Д.71. Л.17; Д.127. Л.31; Архив УФСБ по Свердловской области. Фонд приказов. Оп.178 - 1944 г.

4. См.: ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.71. Л.2,4,5,11,18; Д.127. Л.32-36;

5. Там же. Д.127. Л.36.

6. Там же. Л.33,34.

7. Там же. Д.71. Л.118.

8. Там же. Д.78. Л.179; Д.79. Л.56; Д.233. Л.14,14об.

9. Там же. Д.78. Л.28; Д.106. Л.173; Д.166. Л.111; Д.233. Л.14об.

10. Там же. Д.166. Л.111; Д.230. Л.97; Д.257. Л.112.

11. Там же. Д.78. Л.28, 57, 118, 119, 179, 248; Д.79. Л.7,56; Д.106. Л.173; Д.127. Л.402; Д.230. Л.86; Д.233. Л.14.

12. Там же. Д.78. Л.179,179об.

13. Там же. Д.78. Л.111,112,179; Д.79. Л.65; Д.106. Л.183,244, 269; Д.130. Л.34,37; Д.131. Л.135,248; Д.132. Л.155,204 об.; Д.166, Л.195; Д.168. Л.162.
14. Там же. Д.130. Л.32,33.
15. Там же. Д.74. Л.23; Д.78. Л.58; Д.229. Л.209об.
16. Там же. Д.106. Л.260.
17. Там же. Д.132. Л.204об., 205.
18. Там же. Д.161. Л.226; 247. Л.234.
19. Там же. Д.78. Л.58,247,255-257; Д.130. Л.22,23.
20. Там же. Д.78. Л.248.
21. Там же. Д.169. Л.29,30.
22. Там же. Д.229. Л.209об.
23. Там же. Д.247. Л.238.
24. Там же. Д.79. Л.2,2об.
25. ГАРФ. Ф.9479. Оп.1. Д.257. Л.112.
26. Там же. Д.233. Л.24.
27. Там же. Д.71. Л.112.
28. Там же. Д.269. Л.99.
29. Земсков В.Н. Спецпоселенцы // Социологические исследования. 1990, № 1. С.9.

Попов Н.Н.
Екатеринбург

ПОЛОЖЕНИЕ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НА СЕВЕРЕ УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ПРИ СТАЛИНСКОМ РЕЖИМЕ

С 1930 г., когда сталинское руководство страны перешло к осуществлению насильственной политики сплошной коллективизации крестьян, часть их, объявленная кулаками, была выслана в отдаленные районы СССР, в том числе на север Урала и Западной Сибири. К февралю 1932 г. в Уральской области было размещено около полумиллиона спецпереселенцев с юга Урала и из западных областей страны. Их